

13. Элиас Н., О процессе цивилизации, Т. 1, Москва, Директ-Медиа, 2001, 336 с.
14. Goody J., The Eurasian miracle, Cambridge, Wiley-Blackwell Publishing Ltd, 2009, 200 p.

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ «ДРУГОГО»
В СТРУКТУРЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ АРМЯНСКИХ РЕАЛИЙ)**

С.С. Петросян

Ереванский Государственный Университет (Ереван, Армения)
silva.petrosyan@ysu.am

Аннотация: В статье показано, что «Другой» осознается армянскими мыслителями как элемент и внутреннего, и внешнего диалога, как некое зеркало для построения идентичности. т.к. присушая в некоторой мере армянскому менталитету замкнутость легко может привести к ксеномании, но не к равновесию, для постоянной модернизации идентичности философы советуют древним нациям открываться миру и, пройдя через инаковость, возвращаться к себе с обновленной идентичностью.

Անոտացիա Ս. Ս. Պետրոսյան: Ուրիշի փիլիսոփայական իմաստավորումը ինքնության կառուցվածքում (հայկական իրողությունների համատեքստում): Հողվածում վերլուծվում է Ուրիշի տեղը ինքնության հիմնախնդրի շուրջ հայոց իմաստասիրական դիսկուրսում: Ցույց է տրվում, որ Ուրիշը հայ մտածողների կողմից գիտակցվում է որպես թե՛ ներքին, թե՛ արտաքին երկխոսության կողմ, որպես ինքնության կառուցման համար յուրահատուկ հայելի: Քանի որ հայոց մտածելակերպին որոշակիորեն բնորոշ ներփակությունը կարող է հեշտորեն վերածվել հակառակ ծայրահեղության՝ «օտարամոլության», չբերելով հավասարակշռության կայուն վիճակի, ինքնության շարունակական նորոգման, արդիականացման համար իմաստասերները հին ազգերին խորհուրդ են տալիս բացվել աշխարհին, աշխարհը բացել իրենցում և այլանալու միջոցով վերադառնալ իրենց մի նոր որակական մակարդակ:

Abstract: S.S. Petrosyan. **Philosophical Comprehension of the Other in the Structure of Identity (in the Context of Armenian Reality)** It is shown in the paper that the Armenian thinkers have been comprehended the Other as a moment for both internal and external dialogues, as a certain mirror for identity construction. Since some extent of isolation inherent to Armenian mentality can easily be transformed into its opposition, «foreign mania», which is not bringing to the stable state of equilibrium, for ongoing modernization of the Identity, philosophers advise to the old nations to become unfolded to the world opening the world in themselves and through Otherness returning to the selves in the new qualitative level.

В конце прошлого столетия Армянский центр гуманитарных исследований издал междисциплинарный сборник, посвященный проблеме идентичности. В своем труде, опубликованном в этом сборнике, А. Восканян заметил, что слово «идентичность» многозначное и в разных философских контекстах может иметь разные значения [3, 11]. Первое значение связано с различением себя и другого (Ego, Ich, Selbst, Self, Selfness, «Я», Самость и т.д.), а второе – с фиксированием одинаковости состояний (Identitat, Identity, идентичность). Эти смыслы существуют в отношении как индивидуальной, так и коллективной, в частности, национальной, идентичности [3, 12]. Развивая эту мысль, можно констатировать, что как отдельный индивид, так и нация в целом нуждается в «Другом» для конструирования собственной идентичности. Примечательно, что «Другой» нужен не только для осознания своей инаковости, но также для фиксации одинаковости состояний. Перефразируя известное выражение «Скажи, кто твой друг, скажу, кто ты», получим «Скажи, кто твой «Другой», скажу, кто ты». «Другой» может выступать как объект для подражания, точка отсчета, а так же как объект для отрицания, отторжения и абсолютной инаковости. И можно различать уровни «Другого», от своего или родного «Другого», до чужого и даже враждебного.

Идентичность диалогична, независимо от того, является диалог внутренним или внешним. В обоих случаях диалог происходит между «Я» и «Другим». При внутреннем диалоге в роли «Я» выступает сознание, а в роли «Другого» выступает самость. Самость – это та сторона индивида, которая дана человеку априори и существует сама по себе, независимо от степени осознанности. Согласно Карлу Юнгу, человек принципиально не может полностью раскрыть свою самость, которая в каждый данный момент времени безгранична и трансцендентальна. Это такое сущее, которое не может быть описано до конца, но в нем есть элементы, о которых можно судить [9, 225]. Когда человек осознает свою самость, она для его «Я» становится в какой-то степени «Другим», и может быть или принята со стороны «Я», или отвергнута. В последнем случае философы говорят о кризисе идентичности [8, 23-24]. Сказанное относится и к отдельному человеку – индивиду, и к этносу, и к нации. В последних случаях самость, если можно так выразиться, безграничнее, «трансцендентальнее», будучи данной каждому новому поколению как в виде коллективного настоящего, так и в виде прошлого, истории, коллективной памяти, которые становятся «Другим» для каждого отдельного «Я». Каждый представитель данной группы рано или поздно сталкивается лицом к лицу со своей коллективной памятью, и «прошлое толкует нас» [7, 1-2], т.е. свое «Другое» в виде прошлого «конструирует» идентичность настоящего. Вот почему попытки философского самопонимания неизбежно ведут к истории собственной философии. Так, армянский философ первой половины XX в. Гайк Асатрян, объясняя причины трагических событий его современности (геноцид и культуроцид армян, потеря государственности, угроза потери идентичности), в изумлении вопрошает: почему армянский народ, «народ Давида Непобедимого», перестал верить в возможности, если еще в V-VI вв. армянский неоплатоник Давид Анахт (Непобедимый), «отрицая скептицизм Пиррона, пришел к гносеологическому оптимизму: POSSIBILITY. Согласно

Давиду, мудрец – это тот, кто воспринимает возможности и оптимистически стремится к осуществлению возможного» [2, 19]. Видя причины побед и поражений народа в философском настрое, Асатрян также констатирует замкнутость армян и ненаправленность на внешнее «Другое» как причину потерь на политической арене. Он пишет: «Мы других не знаем хорошо, потому что «замкнуты», по той же причине другие также не знают нас хорошо. То, что мы других не знаем хорошо, констатируют также спасенные от Великой резни. Почти все армянские мыслители заметили, что мы, армяне, не знали тюрков, хотя прожили с ними рядом почти полтысячелетия...» [2, 178]. Интересно, что спустя полвека другой армянский философ Эдвард Атаян предупреждает об опасности так называемой «пещерной» психологии, констатируя, что «мы народ по природе интровертный (обращенный внутрь себя), нам всегда грозит опасность атрофии или закаменения в самозамыкании, именно поэтому нам нужно постоянно раскрывать себя миру, а мир – себе. Мужское достоинство утверждается в браке, а не в бегстве от него. Грош цена тому, человеку или нации, которым опасно какое бы то ни было влияние в мироздании, и мы обрели гибкость и окрепли *как мы* именно в несметных контактах и столкновениях с другими. Тот же, кто более всего на свете боится потерять себя, именно потому теряет себя раньше других» [1, 231].

Философы в обоих вышеприведенных случаях показывают важность внешнего «Другого» для понимания себя как целостности, и нецелесообразность самозамыкания. Внимательный анализ показывает, что все нации, которым удалось создать державы, были и остаются открытыми миру, но эта открытость не переходит у них в ксеноманию, что также иногда наблюдается в среде армян. Нашим соотечественникам, оказавшимся в других странах в образовательных или деловых целях, иногда так нравятся ценностные системы этих стран, что возвращаясь домой и видя кое-какие реалии, которые противоречат их понятиям добра, справедливости и т.д. (проявления коррупции, социальная несправедливость и т.д.), они впадают в кризис идентичности, ошибочно отождествляя армянскую идентичность с заслуживающими порицания реалиями [4, 14]. Одинаково деструктивны как самозамкнутость и при первой же попытке открытости, скачок от самозамкнутости к ксеномании, так и переход от ксеномании к самомании, которое являет собой обратное движение маятника, и до баланса оказывается все еще далеко. Чтобы не впасть в эти крайности «Другое» должно внутренне переживаться как родственная ли, чуждая ли, но именно своя периферия [1, 232]. «И один Бог ведает сколько своего могли бы мы обнаружить у других (и чужого – у себя) с таким подходом. Прямолинейно же заменять господствовавшую ранее ксеноманию (хотя бы русоманию) абстрактной же самоманией – значит лишь создавать на будущее опасность очередного, еще более сильного крена на обратную сторону – впадания в крайность той же ксеномании на новом уровне, и дай Бог, чтобы на этот раз это не оказался разгул заразившей более половины мира поголовной моды англо- (американо-) мании – вовсе не тяги к реальным ценностям англо-саксонской культуры, а к поверхностнейшим, вульгарнейшим ее проявлениям» [1, 232].

Заслуживает внимания вопрос выбора своего «Другого». По существующим географическим меркам являясь более восточной, чем западной страной, в пространстве духовного выбора армянская идентичность в качестве зеркала «Другого» направлена однозначно на Запад. Армяне – наследники греко-римского культурного пространства и носители христианских ценностей, поэтому они, как справедливо замечает Г. Асатрян, «не замечая этических или политических различий, не говорят «Англия», «Франция», «Германия», «Италия», «Россия», лишь только – «Европа»» [2, 193]. В отличие от русского евразийства, в разных направлениях которого чувствуется стремление к утверждению Восточного начала, армянское философское миропонимание не носит в себе тенденцию сопоставления Восточного с Западным, хотя Армения все же является мостом между Западом и Востоком и воспринимается таковым [См.: 6, 52]. В обыденной жизни постоянно сталкиваясь с восточными реалиями, в сфере философского осмысления себя и других, армянская мысль остается направленной на Запад

Историческая судьба Армении сложилась так, что часть армян сама стала «Западом» и воспринимает родину как «Восток». Это – представители Спюрка (Диаспоры), которые подвержены тревоге идентичности, т.к. чужое оказывается для них родным, а родное – чужим, а сами они оказываются как бы «Другим» своей нации [5, 103]. Г. Плтян считает, что тревога идентичности не пройдет, если представители Спюрка (Диаспоры) не научатся искусству утверждения своей самости с помощью инаковости, т.к. «простое или упрощенное понимание идентичности проблематично, а идентичность скорее является не развитием самостояния, а рождением с помощью «Другого», из «Другого»» [5, 108]. Исходя из опыта Диаспоры, Плтян заключает: «Идентичность есть некая неидентичность, некая метаморфоза» [там же]. И все малочисленные и древние народы стоят перед необходимостью духовного опыта отождествления с нетождественным, становления «Другим», и через «Другого», возврату к себе.

Список литературы

1. *Աթայան Է. Ռ.*, Անկախության իմաստը: Հոդվածներ և թարգմանություններ: Երևան, «Սարգիս Խաչենց, Փրինթինգ», 2010, 301 էջ:
2. *Մախարյան Հ. Գ.*, Հատընտիր: Երևան, «Ամարաս», 2004, 414 էջ:
3. *Ոսկանյան Ա.*, Ազգային ինքնության հիմնահարցը և մտավորականության կոչումը, «Ինքնություն», Երևան, «Կամար», 1995, էջ 11-2:
4. *Պետրոսյան Ս.Ս.*, Ինքնության հիմնախնդրի փիլիսոփայական վերլուծության որոշ հարցեր, «Բանբեր Երևանի համալսարանի», Փիլիսոփայություն, հոգեբանություն, Երևան, 2012, էջ 3-15:
5. *Պրլյունեան Գ.*, Ինքնութեան փորձառութիւն Սփիւրքի մէջ, «Ինքնության հարցեր» ժողովածու, Երևան, Ջանգալ, 2002, էջ 89-111:
6. *Кедоров Б.М.*, Классификация наук, Т. 1, М., Изд. ВПИ и АОН, 1961, 472 с.

7. *Соловьев Э.Ю.*, Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры, Москва, Политиздат, 1991, 430 с.
8. *Хесле В.*, Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Апокалипсис смысла: Сборник работ западных философов XX-XXI веков, Москва, Алгоритм, 2007, 272 с.
9. *Юнг К.Г.*, Психологические типы, Минск, Попурри, 1998, 656 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ОТНОШЕНИЯ «Я – ДРУГОЙ» В ЭТИКЕ АРИСТОТЕЛЯ

Р.С. Платонов

Институт философии РАН (Москва, Россия)

platonovrs@mail.ru

Аннотация: В этике Аристотеля развитие человека раскрывается как коммуникативная структура. Виды и формы общения организуют жизнь человека как на родовом, так и на индивидуальном уровне. Эта организация осуществляется двумя путями: посредством закона и посредством интеллектуального и морального развития. Общение правильно развитого человека становится независимым от закона, а также достигает высшей формы (совершенной дружбы), в которой другой человек воспринимается им как равноценный партнер.

Անոտացիա. Ռ. Ս. Պլատոնով: Ես-Ուրիշ հարաբերության հաղորդակցական կառուցվածքը Արիստոտելի էթիկայում: Արիստոտելի բարոյագիտական ուսմունքում մարդու զարգացումը բացահայտված է որպես հաղորդակցական կառուցվածք: Հաղորդակցման տեսակներն ու ձևերը կազմակերպում են մարդու կյանքը ինչպես տոհմական, այնպես էլ անհատական մակարդակներում: Այդ կազմակերպումն իրականացվում է երկու ճանապարհով՝ օրենքի և ինտելեկտուալ ու բարոյական զարգացման: Ճիշտ զարգացած մարդու հաղորդակցումը իրականանում է անկախ օրենքից, ինչպես նաև հասնում է բարձրագույն ձևին՝ կատարյալ ընկերությանը, որի շրջանակներում ուրիշն ընկալվում է որպես համարժեք գործընկեր:

Abstract: R.S. Platonov. *Communicative Structure of Self-Other Relations in the Aristotle's Ethics.* In Aristotle's ethics human development is revealed as a communicative structure. Types and forms of communication organize human life both at the generic level and at the individual level. This organization is realized in two ways: through the law and through intellectual and moral development. The communication of a properly developed person becomes independent of the law, and also reaches its highest form (perfect friendship), in which another person is perceived by him as an equal partner.